

Шекспир Уильям

Веселые виндзорские кумушки

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
УЗ6

УЗ6 **Уильям Ш.**
Веселые виндзорские кумушки / Шекспир Уильям – М.: Книга по Требованию, 2026. – 49 с.

ISBN 978-5-521-30901-6

ISBN 978-5-521-30901-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

СЭРЪ ДЖОНЪ ФАЛЬСТАФЪ И „ВЕСЕЛЫЯ ВИНДЗОРСКІЯ КУМУШКИ“.

(ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ.)

I.

амый вопрос о томъ, когда именно была написана комедія «Веселыя виндзорскія кумушки» (The merry wives

of Windsor), составляет довольно запутанный, но не лишенный интереса вопросъ шекспировской исторической критики. Въ каталогахъ книгопродавцевъ мы встрѣчаемъ прежде всего слѣдующую запись, помѣченную 18-мъ января 1602 года: «Джонъ Бесби. Превосходная и забавная комедія сэра Джона Фальстафа (Faustof) и веселыхъ виндзорскихъ кумушекъ». — Благодаря такой курьезной передачѣ издательскихъ правъ, Артуръ Джонсонъ въ томъ же году (1602) издалъ первоначальный эскизъ «Веселыхъ виндзорскихъ кумушекъ» подъ слѣдующимъ многорѣчивымъ заглавіемъ: «Веселая забавная и превосходно составленная комедія сэра Джона Фальстафа и веселыхъ виндзорскихъ кумушекъ, перемѣшанная разнообразными и забавными выходками сэра Гуга, валлійскаго пастора, мирового судьи Шалло и его мудраго двоюроднаго брата мистера Слендера. Съ тщеславнымъ хвастовствомъ прапорщика Пистоля и капрала Нима. Написана Вильямомъ Шекспи-

ромъ. Въ томъ видѣ, въ какомъ она была много разъ играна слугами высокопочтеннаго лорда-канцлера. И въ присутствіи ея величества, и въ другихъ мѣстахъ».

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это изданіе не болѣе, какъ первоначальная обработка комедіи, которая въ своемъ настоящемъ и окончательномъ видѣ явилась только въ изданіи in folio 1623 года, черезъ семь лѣтъ послѣ смерти Шекспира. Въ 1702 году тогдашній модный драматургъ, нѣкій Джонъ Деннисъ, приравнивъ къ сценѣ джюриленскаго театра комедію Шекспира, напечаталъ ее подъ заглавіемъ «The comical gallant», съ слѣдующимъ предисловіемъ: «Что эта комедія («Веселыя виндзорскія кумушки») достойна нѣкотораго вниманія, я замѣтилъ по многимъ причинамъ. Прежде всего, я очень хорошо зналъ (I knew very well), что она нравилась одной изъ величайшихъ королевъ, когда-либо существовавшихъ, великой не только своею мудростію въ искусствѣ управленія, но также и своимъ знакомствомъ съ изящной словесностію и своимъ тонкимъ пониманіемъ драмы, пониманіемъ, которое доказано ея удивленіемъ древнимъ. Эта комедія была написана по ея порученію и по ея указаніямъ, и она была такъ нетерпѣлива видѣть ее на сценѣ, что распорядилась, чтобы пьеса была окончена въ четырнадцать дней (she commanded it to be finished in fourteen days); и потому она была, какъ говорятъ намъ преданіе, очень довольна представленіемъ». Въ 1709 году извѣстный хроникеръ Роу, въ біографіи Шекспира прибавляетъ нѣсколько новыхъ подробностей къ замѣткѣ Денниса: «Королева, говоритъ онъ, — была такъ восхищена прелестною ролью Фальстафа, въ двухъ частяхъ «Генриха IV», что поручила поэту продолжать эту роль въ новой комедіи, сдѣлавъ Фальстафа влюбленнымъ; говорить, что именно по этому поводу комедія и была написана». Наконецъ, въ 1710 году Джильдонъ въ своихъ «Замѣчаніяхъ къ пьесамъ Шекспира» повторяетъ съ полной увѣренностію, что королева поручила Шекспиру представить на сценѣ Фальстафа влюбленнымъ: «Я совершенно увѣренъ, прибавляетъ онъ, — что Шекспиръ окончилъ комедію въ двѣ недѣли. Вещь невѣроятная, если обратить вниманіе на то, что все такъ

хорошо придумано и ведено безъ малѣйшей путаницы».

Таковы несомнѣнные факты. Преданіе, освященное тремя послѣдовательными свидѣтельствами, приобретаетъ мало-по-малу достовѣрность несомнѣннаго историческаго факта и сохраняетъ ее втѣченіи всего восемнадцатаго столѣтія. Комментаторы единогласно подтверждаютъ преданіе. Попе и Теобальдъ повторяютъ его, прибавляя, впрочемъ, что произведеніе, написанное Шекспиромъ по порученію королевы, было первоначальнымъ эскизомъ, напечатаннымъ въ 1602 году, а не окончательной обработкой комедіи, вошедшей въ изданіе 1623 года. Джонсонъ, въ свою очередь, упоминаетъ о преданіи и пользуется имъ для неблагоприятнаго отзыва о «Виндзорскихъ кумушкахъ», замѣчая, что «нѣтъ ничего труднѣе, какъ писать по указаніямъ другого». Наконецъ, Мэлонъ подтверждаетъ и даже объясняетъ его. Онъ думаетъ, что оно было передано Деннису и Джильдону Драйдену, а Драйдену Давенанту, и прибавляетъ вмѣстѣ съ Попе и Теобальдомъ, что оно относится къ первоначальному эскизу комедіи. Мэлонъ прибавляетъ, что комедія, набросанная, по всей вѣроятности, въ 1601 году, затѣмъ исправленная въ 1603 году, должна быть логически помѣщена передъ «Генрихомъ V», хотя хронологически она и была написана послѣ этой исторической хроники, представленной въ 1600 году. «Дѣло въ томъ, говоритъ онъ, — что хотя она должна быть читана между «второй частью Генриха IV» и «Генрихомъ V», — какъ это было доказано Джонсономъ, — она тѣмъ не менѣе была написана послѣ «Генриха V», когда Шекспиръ уже похоронилъ Фальстафа. Шекспиръ, воскресивъ по желанію королевы сэра Джона, счелъ необходимымъ воскресить въ тоже время и всѣхъ другихъ лицъ, въ обществѣ которыхъ мы привыкли видѣть его». Эта теорія Мэлона, подтверждающая и объясняющая преданіе, была принята безпрекословно самыми авторитетными критиками XVIII столѣтія: въ Англіи — Кольриджемъ, Гезлитомъ, Скоттоу; въ Германіи — Тикомъ и Шлегелемъ. Тѣмъ не менѣе уже Чальмерсъ въ своей «Прибавочной Аппологіи» возстаетъ противъ теоріи Мэлона, считаетъ укрѣпившееся преданіе выдумкой, говоря, что въ 1601 году —

въ эпоху казни графа Эссекса — королева Елизавета не могла быть расположена заниматься подобными шутками и, основываясь на некоторых сопоставлениях деталей, высказывает совершенно новую гипотезу, из которой следует, что комедия Шекспира, написанная въ 1596 году, должна быть помѣщена и логически и хронологически передъ первой частью «Генриха IV». Противъ такого вывода протестовалъ Натанъ Дрэкъ, защищая теорію Мэллона. Завязалась горячая полемика. Найдъ, одинъ изъ самыхъ авторитетныхъ английскихъ комментаторовъ Шекспира высказался противъ Мэллона, снова подвергъ сомнѣнію преданіе и, замѣтивъ намекъ въ одномъ мѣстѣ комедіи на прїездъ къ английскому двору нѣкоего графа Монбельера въ 1592 году, утверждаетъ, что комедія была написана по этому случаю, и заключаетъ, вмѣстѣ съ Чальмерсомъ, что, будучи написана прежде первой части «Генриха IV», комедія — не болѣе, какъ прологъ къ этой части. Галиуэлъ предложилъ среднее мнѣніе, съ тѣмъ примирить теорію Мэллона съ взглядами Найта; онъ соглашается со Найтомъ, что комедія написана въ ея первоначальномъ видѣ въ 1592 году, но поддерживаетъ Мэллона въ томъ, что драматически она является продолженіемъ «Генриха IV». Въ 1860 году Стоунтънъ, въ превосходномъ иллюстрированномъ изданіи Джильберта, не соглашается ни съ Найтомъ, ни съ Галиуэлемъ, и возвращается безусловно къ преданію и теоріи Мэллона.

Еще нѣсколько раньше высказалъ свое мнѣніе въ этомъ вопросѣ Гервинусъ. Вотъ его слова: «Галиуэлъ, перепечатывая древнѣйшее изданіе этой комедіи въ запискахъ шекспировскаго общества, пытался доказать, что эта комедія вмѣстѣ съ «Генрихомъ IV» возникла въ 1592 году, на томъ основаніи, что именно въ 1592 году одинъ нѣмецкій герцогъ (виртембергскій) посѣтилъ Виндзоръ и что ему данъ былъ отъ лорда Говарда паспортъ на безденежное пользованіе почтовыми лошадыми, — обстоятельство, на которое, какъ кажется, намекаетъ Шекспиръ въ третьей сценѣ четвертаго дѣйствія. Но въдѣ Шекспиръ могъ намекнуть на этотъ случай и по прежнимъ своимъ воспоминаніямъ; наконецъ, это обстоятельство могло быть и совсѣмъ ему неизвѣстно, такъ что предполагаемый намекъ могъ быть совершенною случайностью. Всѣ внутреннія доказательства свидѣтельствуютъ противъ предположенія, что «Виндзорскія кумушки» написаны ранѣе окончанія «ланкастерской исторіи» (1599). Изъ этихъ словъ видно, что Гервинусъ склоняется въ пользу мнѣнія Мэллона; хотя неизвѣстно, въ какой именно мѣрѣ, такъ какъ не обозначаетъ точно года, когда, по его мнѣнію, комедія была написана. Нѣсколько далѣе онъ говоритъ: «Галиуэлъ полагаетъ за самое вѣроятное, что сцены этой комедіи непосредственно слѣдуютъ за изгнаніемъ Фальстафа отъ двора (т. е. что логически, комедія слѣдуетъ сейчасъ же за второю частью «Генриха IV», согласно теоріи Мэллона). Но этому противорѣчитъ еще въ древнѣйшемъ изданіи то мѣсто, гдѣ Фальстафъ восклицаетъ подъ германскимъ дубомъ: «бюсь объ закладъ, что шаловный принцъ узлскій воруетъ дичь своего отца!» Къ тому же и въ позднѣйшей обработкѣ этой пьесы мистеръ Фордъ весьма выразительно говоритъ Фальстафу о его обширныхъ связяхъ, о значительности его званія и личности; и даже самъ Фальстафъ говоритъ, что если бы ста-

ло извѣстно при дворѣ его превращеніе въ толстую вѣдьму (Джулиана Брентфордъ, извѣстная личность въ литературѣ XVI столѣтія), то ему не было бы проходу: изъ него выпотили бы весь жиръ, стапи бы смазывать имъ сапоги, стали бы бичевать его остротами, такъ что онъ сморщился бы, какъ сунулая груша. Значитъ, надо предположить, что отношенія Фальстафа къ принцу продолжаютъ еще существовать, хотя и тутъ, какъ во второй части «Генриха IV», онъ отдѣленъ отъ принца. Если принять, что дѣйствіе нашей комедіи происходитъ непосредственно передъ смертью короля Генриха IV и составляетъ продолженіе сношеній Фальстафа съ мировымъ судьей Шалло, только въ другой мѣстности и при другихъ обстоятельствахъ, то всѣ затрудненія разъясняются сами собой, особенно если устранить сомнѣнія касательно нѣкоторыхъ личностей. Трудно рѣшить, тотъ-ли самый пажъ сопровождаетъ Фальстафа, который находился при немъ въ «Генрихѣ IV» и при Нимѣ и Пистолѣ въ «Генрихѣ V». Положимъ, что тотъ же, и допустимъ, что поэтъ не хотѣлъ напрасну затруднять зрителя мелочами характеристики, или съ особенной выразительностью указывать на отношенія этой комедіи къ совершенно отличнымъ отъ нея историческимъ драмамъ. Странно только то, что Шекспиръ называлъ служанку доктора Каюса тоже Кункли, какъ зовутъ трактирщицу въ «Генрихѣ IV»; но что онъ разумѣлъ здѣсь совершенно другое лицо, это ясно. Здѣсь не только внѣшнее положеніе ея совершенно иное, не только она представлена въ началѣ совершенно незнакомою съ Фальстафомъ, но и характеръ ея существенно отличенъ отъ характера трактирщицы Кункли. Правда, она отличается такою же простоватостью, но въ ней проявляется и понятливость, и притворство, и изворотливость, чего нигдѣ не обнаруживаетъ глупая, вѣчно обманутая истинная вдова. Что касается до обстановки Фальстафа, то здѣсь все ясно. Сѣверный походъ кончился; Фальстафъ кое-какъ еще влечитъ свою жизнь съ десятию фунтами въ недѣлю жалованья; Пистолъ и Нимъ «въ отставкѣ» и слѣзались совершенными негодаями; Фальстафъ прогоняетъ ихъ, а вывѣтрившагося стараго слугу Бардоля, съ которымъ онъ столько лѣтъ былъ неразлученъ, отдастъ въ полове трактирщику «Подявки». Вѣднее распадѣніе веселой компаніи, окружавшей принца, произошло еще во второй части «Генриха IV»; здѣсь мы встрѣчаемъ дальнѣйшій, весьма выразительный симптомъ, что эта компанія разрушается внутренно и при томъ не въ одномъ только принцѣ. Въ лицѣ молодого Фентона мы узнаемъ еще новаго для насъ бывшаго спутника принца и Пойнса. Онъ изъ денежныхъ расчетовъ сватается за богатую Анну Пэджъ, но скорѣе узнаетъ драгоцѣнныя качества ея души и это вполне пзмѣняетъ его образъ мыслей. Это измѣненіе составляетъ въ частной жизни репандантъ тому, что представляетъ собою въ жизни государственной перемѣна, происшедшая въ принцѣ.

И такъ изъ словъ Гервинуса слѣдуетъ заключить, что «Виндзорскія кумушки» составляютъ только частный эпизодъ той эпохи въ жизни Фальстафа, которая непосредственно предшествуетъ смерти короля Генриха IV. Къ сожалѣнію, Гервинусъ подтверждаетъ свое, довольно странное мнѣніе (какъ я постараюсь доказать нѣсколько ниже) слишкомъ недостаточнымъ количествомъ фак-

товъ. Въ концѣ концовъ, вопросъ къ 1860 году заключался въ слѣдующемъ:

1) Въ какомъ году написаны «Виндзорскія кумушки»? По мнѣнію Мэллона — въ 1601 г.; по мнѣнію Чальмерса — въ 1596; по мнѣнію Найта и Галиуэля — въ 1592; наконецъ, по мнѣнію Гервинуса, скорѣе послѣ 1599 г.

2) По теоріи Чальмерса и Найта, шекспировская комедія должна быть разсматриваемая, какъ введеніе или прологъ къ первой части «Генриха IV». По теоріи же Джонсона, она составляетъ продолженіе второй части «Генриха IV» и, наконецъ, Гервинусъ думаетъ, что «Виндзорскія кумушки» составляютъ эпизодъ второй части этой хроники.

II.

амый лучшій французскій переводчикъ Шекспира, Франсуа Гюго, въ своемъ французскомъ изданіи Шекспира предлагаетъ новую гипотезу и обставляетъ ее чрезвычайно остроумными доказательствами. По его мнѣнію, одинаково не выдерживаютъ критики ни предположеніе Найта, ни теорія Чальмерса, такъ какъ въ 1598 году, Миресь, восторженный поклонникъ Шекспира, составилъ каталогъ комедій поэта, изданныхъ при его жизни; въ этомъ каталогѣ «Виндзорскія кумушки» не значатся. Скажемъ же образомъ, если продолжитъ, что комедія написана въ 1592 или 1596 г. не упомянулъ объ ней авторъ «Palladis Tamia»? Забычивостью этого обстоятельства объяснить невозможно, потому что комедія была чрезвычайно популярна и много разъ давалась въ присутствіи королевы. Къ тому же критикъ, вспомянувшій «Генриха IV», могъ-ли забыть комедію, составляющую, такъ сказать, спенческое дополненіе этой хроники? Слѣдовательно, заключаетъ Франсуа Гюго, — если Миресь не упомянулъ о «Виндзорскихъ кумушкахъ» въ 1598 году, то значитъ, что въ 1598 году «Виндзорскія кумушки» еще не существовали.

Французскій критикъ не принимаетъ также и 1601 года, предлагаемаго Мэллономъ и Дрэккомъ. Дѣйствительно, 1601 годъ былъ самой мрачной эпохой въ жизни Елизаветы; это былъ годъ возстанія и казни графа Эссекса, — ея любимца; нельзя поэтому не согласиться съ Чальмерсомъ, что въ этомъ году Елизавета не могла быть расположена развлекаться комическими представленіями, а тѣмъ болѣе не могла заказывать комедій. Франсуа Гюго опредѣляетъ время созданія комедіи между 1598 и 1601 годами (какъ и Гервинусъ), доказывая свое предположеніе слѣдующимъ образомъ:

Зимой 1599 — 1600 гг., английскій дворъ шумно выселился. По приказанію королевы графъ Эссексъ былъ арестованъ и Елизавета, точно нарочно, обнаруживала особенно веселое расположеніе духа во время этого тяжелаго заточенія ея любимца. Въ особенности было весело на святкахъ. Роуландъ Уайтъ рассказываетъ въ одномъ письмѣ къ сэру Роберту Сиднею, что «ея величество въ то время очень веселилась, устраивая танцы подъ звукомъ тамбурина». Она смѣялась, играла, пѣла, кокетничала съ придворными и даже сама танцевала, не смотря на свои шестьдесятъ лѣтъ. Посланникъ эрцгерцога Альбрехта, фламандецъ Ферейкенъ, прїехавъ въ Лон-

донъ для заключенія мира между Англіей и австрійскимъ домоу, былъ принятъ королевой съ большимъ торжествомъ 23 февраля 1600 года и, когда посланникъ вручилъ ей свои вѣрительныя грамоты, она сказала ему съ улыбкой: «я слышала, что вы лично желали меня видѣть; вашъ прїѣздъ поэтому тѣмъ болѣе для меня приятенъ». На это ловкій фламандецъ отвѣчалъ: «Дѣйствительно, я страстно желалъ предпринять это путешествіе съ цѣлью видѣть ваше величество, которая по красотѣ и мудрости превосходитъ всѣхъ монарховъ міра, и считаю себя безконечно обязаннымъ тѣмъ лицамъ, которые, отправляя меня сюда, доставили мнѣ счастье, которымъ я теперь пользуюсь». Эти дипломатическія любезности были, вѣроятно, одной только маской, подъ которой скрывалось далеко не дружелюбное чувство. Не смотря на всѣ свои любезности и улыбки, которая, протестантская королева не имѣла ни малѣйшаго намѣренія входить въ какія бы то ни было сдѣлки съ посломъ католической державы. Уже тогда она обдумывала новый союзъ съ возставшею Голландіею. Всѣ ея заботы поэтому заключались въ томъ, чтобъ развлекать фламандца и избѣгать серьезныхъ переговоровъ. Сэръ Вальтеръ Ралей, которому было поручено познакомить Ферейкена съ достопримѣчательностями Лондона, показавъ ему вестминстерское аббатство, гробницы и другія особенности мѣстности. Роуландъ Уайтъ писалъ, между прочимъ, своему другу сэру Роберту Сиднею, отъ 8 марта 1600 года: «Всю эту недѣлю лорды были въ Лондонѣ и проводили время въ пирахъ и зрѣлищахъ; въ среду Ферейкенъ обѣдалъ съ милордомъ казначеемъ, который угостилъ его королевскимъ обѣдомъ; въ четвергъ его угощала милордъ-канцлеръ великолѣпнымъ обѣдомъ и у него же, послѣ обѣда, его актеры сыграли въ присутствіи Ферейкена «сэра Джона Ольдкэстля», къ великому его удовольствію» (and there in the afternoon his Plaiers acted before Vereiken Sir John Oldkastle to his great contentment). — (Sydney Papers, ed. 1746).

Спрашивается: какая пьеса могла быть этотъ «Сэръ Джонъ Ольдкэстль», представленный официально 6 марта 1600 года актерами канцлера въ присутствіи австрійскаго посланника? Нѣкоторые комментаторы предполагаютъ, что это — драма въ двухъ частяхъ «Жизнь сэра Джона Ольдкэстля, лорда Кобгэма», за составленіе которой четыре актера: Мондэй, Драйтонъ, Уильсонъ и Гетуэй получили отъ управителя труппы Генслоу 10 фунтовъ въ октябрѣ 1599 года. По мнѣнію, однако, Франсуа Гюго, это предположеніе лишено основанія. Прежде всего, необходимо замѣтить, что драма, купленная Генслоу, была представлена не актерами канцлера, а труппой, находившейся подъ управленіемъ того же Генслоу, что видно изъ заглавнаго листа изданія 1600 года: «въ томъ видѣ, въ какомъ драма эта была представлена слугами высокопочтеннаго графа Ноттингема, лорда великаго адмирала Англіи». Къ тому же достаточно пересмотрѣть драму, чтобъ убѣдиться, что она не могла быть представлена въ присутствіи Ферейкена, въ особенности къ его великому удовольствію. И въ самомъ дѣлѣ, эта драма, основанъ идеей которой служить возстановленіе чести Ольдкэстля, сожженного на кострѣ въ 1418 году за принадлежность къ ереси Виклефа, не могла быть особенно приятно католику, представителю католической Австріи; Ферейкенъ не только не одобрилъ бы такого зрѣлища, но

имѣлъ бы право оскорбиться зрѣлищемъ, въ которомъ издѣвались надъ его религіозными вѣрованіями, изображая католическихъ священниковъ разбойниками и убійцами. Но если не эта драма была представлена 6 марта 1600 года, то на какую пьесу намекается Уайтъ въ своемъ письмѣ къ Сиднею? По мнѣнію Франсуа Гюго, онъ намекаетъ на шекспировскихъ «Виндзорскихъ кумушекъ». И дѣйствительно, имя того безсмертнаго созданія, которое мы знаемъ теперь подъ названіемъ Фальстафа было первоначально Ольдкэстль. Нѣсколько ниже я приведу неоспоримыя доказательства этого факта. Имя Ольдкэстля было, такъ популярно, благодаря шекспировскому Фальстафу, носившему первоначально это имя, что Уайтъ весьма легко могъ перепутать фамиліи; это тѣмъ болѣе вѣроятно, что «Виндзорскія кумушки» были представлены въ 1613 году въ присутствіи курфюрста пфальцскаго подъ заглавіемъ: «Сэръ Джонъ Фальстафъ». ¹⁾

По предположенію французскаго критика оказывается, такимъ образомъ, что комедія, представленная въ 1600 году въ присутствіи Ферейкена, была первоначальнымъ эскизомъ «Виндзорскихъ кумушекъ», изданнымъ въ 1602 году, а не окончательно обработаннымъ произведеніемъ, известнымъ въ настоящее время подъ этимъ заглавіемъ и впервые напечатаннымъ въ изданіи in-folio 1623 года. Въ доказательство этого обстоятельства французскій критикъ приводитъ любопытную подробность. Посолъ эрцгерцога Альбрехта былъ фламандецъ, какъ намъ известно; а между тѣмъ въ исправленной и передѣланной комедіи, изданія 1623 года, существуютъ двѣ грубыя насмѣшки, именно надъ фламандцами. Въ концѣ второй сцены второго дѣйствія, ревнивый мужъ Фордъ говоритъ себѣ, что онъ бы предпочиталъ «довѣрить свое масло фламандцу, свой сыръ — пастору Гюгу, свой штокъ съ водкой — ирландцу, свою лошадь — для прогулки вору, чѣмъ свою жену — ей же самой» ²⁾. Въ другомъ мѣстѣ, въ началѣ второго дѣйствія, мистрисъ Паджъ, прочитавъ любовное посланіе Фальстафа, восклицаетъ съ негодованіемъ: «кажется, никакою легкостью въ обращеніи не могла я подать этому фламандскому пьяницѣ, — чортъ бы его побралъ, — поводъ такъ дерзко поддѣлывать ко мнѣ» ³⁾. Это выраженіе пьяница, сказанное фламандцу англичаниномъ, было тѣмъ болѣе оскорбительно (замѣчаетъ Франсуа Гюго), что выражало національную вражду. Современники Шекспира совершенно серьезно обвиняли фламандцевъ въ томъ, что эти послѣдніе пріучили ихъ къ пьянству. Сэръ Джонъ Смитъ рассказываетъ въ своихъ «бесѣдахъ» (1590), что англійскій народъ,

¹⁾ «Уплачена Джону Гемангу по требованію съѣта двадцатаго дня мая 1613 года сумма въ 33 фунта, 6 шиллинговъ и 8 пенсовъ за представленіе въ присутствіи его высочества принца Карла, принцессы Елисаветы и пфальцскаго курфюрста, четырнадцати пьесъ, а именно: Филистеръ, Шайка безумцевъ, Много шуму изъ ничего, Трагедія Дѣвы, Веселый Эдмонтонскій Чортъ, Буря, Король и не король, Трагедія бизанцевъ, Зимняя сказка, Сэръ Джонъ Фальстафъ (Веселія виндзорскія кумушки), Венеціанскій мавръ, Большой вельможа, Трагедія Цезаря и Кривавая любовь». — Извлеченіе изъ отчетовъ лорда Гаррингтона, казначея Якова I.

²⁾ Цитирую по изданію Делюса (Elberfeld, 1859, томъ 6, стр. 47): «I will rather trust a Fleming with my batter, person Hugh the welchman with my cheese an Irishman with my aqua-vitae bottle, or a thief to walk my ambling gelding, than my wife with herself».

³⁾ Idem. Томъ 6, стр. 34: «What an unweighed behaviour hath this Flemish drunkard picked (with the devil's name) out of my conversation, that he dares in tis manner assay me?»

прежде одинъ изъ самыхъ воздержныхъ народовъ христіанскаго міра, свѣлся съ этимъ отвратительнымъ порокомъ во время фландрской кампаніи. Вѣроятно-ли, послѣ этого, что комедія, заключающая въ себѣ столь оскорбительныя для фламандца выраженія, могла быть представлена въ присутствіи посланника-фламандца и при томъ къ особенному его удовольствію? Само собою разумѣется, нѣтъ. И дѣйствительно, эти два мѣста, оскорбительныя для фламандца и существующія въ исправленной комедіи, не находятся въ первоначальномъ эскизѣ. Несомнѣно, что комедія, представленная въ присутствіи посланника эрцгерцога, была первоначальнымъ эскизомъ? Насмѣшка, неумѣстная при этихъ обстоятельствахъ, естественно, нашла себѣ мѣсто при пересмотрѣ. Когда австрійскій уполномоченный уѣхалъ, когда католическая Фландрія и протестантская Англія снова сдѣлались врагами, то англійскому поэту была возвращена свобода и онъ позволилъ себѣ посмѣяться надъ фламандскими папистами.

III.

историческія событія, относящаяся такъ или иначе къ «Веселымъ виндзорскимъ кумушкамъ», объясняются такимъ образомъ совершенно просто и логично. Намекъ на какого-то нѣмецкаго принца, — намекъ, относящійся, по мнѣнію Найта и Галуэля, къ графу Монбельяру, посѣдившему Лондонъ въ 1592 году, — можетъ, благодаря гипотезѣ французскаго критика, быть отнесенъ съ такимъ же правомъ и къ эрцгерцогу Альбрехту, въ лицѣ его посланника. Такимъ образомъ, преданіе, впервые упомянутое Деннисомъ, пріобрѣтаетъ значительную долю вѣроятности. Весьма естественно, что всякаго рода празднества входили въ политическую программу Елисаветы во время пребыванія австрійскаго посланника. Она считала необходимымъ развлекать католическаго дипломата; а что могло быть забавнѣе шутовскаго героя, который и ее заставлялъ смѣяться не разъ при представленіяхъ «Генриха IV»? Комедія должна была быть написана не болѣе, какъ въ четырнадцать дней. Такой короткій срокъ объясняется само собою, такъ какъ представленіе готовилось въ честь посланника, который не рассчитывалъ долго оставаться въ Англіи. И дѣйствительно, Ферейкенъ, прїѣхавъ въ Лондонъ 18 февраля, выѣхалъ въ Брюссель 11 марта 1600 года.

Задача, порученная Шекспиру, представляла большія затрудненія. Во-первыхъ, было совершенно необходимо, чтобъ комедія находилась въ тѣсной связи съ историческими хрониками, дополненіемъ которыхъ она должна была служить. Кромѣ того, было необходимо, чтобъ дѣйствіе комедіи логически соответствовало событіямъ, изображаемымъ въ анкастерской трилогіи. Наконецъ, было необходимо, чтобъ всѣ комическія личности, Фальстафъ, Бардолюфъ, Пистоль, Нимъ, Шалло, мистрисъ Куикли вошли въ новую комедію, не противорѣча ни ихъ характеру, ни ихъ прежнему образу жизни. Особенное затрудненіе представляло опредѣленіе эпохи, въ которой должно было происходить дѣйствіе комедіи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что первоначально, въ первомъ своемъ эскизѣ, Шекспиръ имѣлъ въ виду помѣстять

виндзорский эпизод из жизни Фальстафа в царствование Генриха IV, т. е. или как вступление к первой части хроники «Генриха IV», или же как связующее звено между первой и второй частью этой хроники. На это намёгание указывают, между прочим, слова Фальстафа в первоначальном эскизе: «Клянусь жизнью, пари держу, что этот сумасшедший уэльский принц занимается избиением оленей своего батюшки (I'll lay my life mad prince of Wales is stealing his father's deer)». Это восклицание, однакож, исчезло в окончательной обработке. Франсуа Гюго замечает по этому поводу, что было некоторое неудобство поместить эпоху виндзорского фарса до вступления на престол «Генриха V»: «Если во время виндзорского фарса, рассуждает французский критик, — Генрих попрежнему только наседник престола, то, значит, его веселая компания с Фальстафом во главе еще не распалась, мистрис Кункли по прежнему держит таверну в Истчипл, откуда, мы знаем, ее выпроводили вместе с Доля перед самой коронацией Генриха V и, следовательно, она не может быть в Виндзор хозяйкой доктора Каюса, судья Шалло весьма охотно еще вспоминает своего школьного товарища Фальстафа и, почтенный его пощипением, дает ему в займы тысячу фунтов; при таких условиях, разумеется, не может иметь места его спор с Фальстафом из-за убитого оленя, как это мы видим в начале «Виндзорских кумушек». Шекспир замечает противоречия, возникшие само собой и рѣшил перенести виндзорский эпизод в царствование Генриха V».

Читатель видит, что в этом вопросе французский критик соглашается с мнением Джонсона и расходится с Гервинусом. Тем не менее, его доказательства имеют только относительное значение. Не безынтересно, однакож, познакомиться с его аргументацией. Он совершенно справедливо замечает, что в окончательной обработке мы не встречаем замечания Фальстафа, приведенного несколько выше. Кроме этого, он находит новые доказательства в подтверждение своего мнения. Так, Фентон, представленный Шекспиром, как старый товарищ принца уэльского и Поинса, говорит как об отдаленном прошлом о своих прошлых шалостях — *my riots past*, — из чего мы должны заключить, что веселая компания давным давно распалась. Затем, личности, с которыми мы познакомились в «Генрихе IV», постарели, когда мы их снова встречаем в Виндзорѣ. Фальстаф, имевший не более шестидесяти лет в хроникѣ, — в комедии изображен (по крайней мере в словах мистрис Падж) дряхлым стариком, — *old, cold, withered*, — как человек разбитый на куски годами, — *on that is very high worn to pieces by age*. — Судья Шалло, который в хроникѣ вспоминает, что пятьдесят-пять лет тому назад был школьником, в комедии насчитывает себя более восьмидесяти лет. Все эти подробности были прибавлены в комедии только при ее окончательной обработке. Наконец, известно, что мистрис Кункли во второй части «Генриха IV» называет себя «бѣдной истчипской вдовой», а в «Генрихе V» является внезапно женой Пистоля. Этот брак, прибавляет Гюго, — есть не более, как осуществление желания Пистоля, выраженного им в комедии: «ставь паруса, сѣвши за ней в погоню, от-

крой борты, пали: она моя — *she is my prise* — или пусть имъ все погибнуть в океанѣ».

Такова аргументация Франсуа Гюго. Не смотря, однакож, на то, что он расходится с немецким критиком, мотивы, которыми как тот, так и другой руководствуются, совершенно одинаковы. Вот слова Франсуа Гюго: «Виндзорские приключения Фальстафа имѣли место послѣ коронации Генриха V и послѣ публичнаго разрыва его с сэромъ Джономъ. Такимъ образом, поэт обозначилъ различные пути, по которым пошли как тот, так и другой. В то время, как Галь, окруженный славой, будетъ подыматься выше, Фальстаф все больше и больше будетъ погружаться в грязь. В то время, как принц, превращенный, возрожденный и очищенный, переходитъ отъ торжества къ торжеству и при Азинкурѣ становится самымъ свѣтлымъ воплощениемъ Англіи, — Фальстаф, в немплости, не будучи в состоянии удовольствоваться пенсіей, назначенной ему в видѣ милости молодымъ королемъ, дѣлая постоянно долги, погружаясь все больше и больше в грязь, вырождаясь окончательно, впадъ в дряхлость, — становится пошлой куклой, годной лишь для дѣтской забавы. Благодаря этой перемены «Виндзорские кумушки», непосредственно предшествуя «Генриху V», с чрезвычайной силой отбѣгаютъ героическую эпопею. Окончательное падение отупѣвшаго рыцаря становится, такимъ образомъ, контрастомъ апофеоза идеализированнаго монарха. Фарсъ отбѣгаетъ эпопею».

Если читатель сопоставитъ эти слова французскаго критика со словами Гервинуса, приведенными мною выше, то он увидитъ в нихъ одну и ту же мысль; какъ тотъ, такъ и другой стараются доказать, что «Виндзорские кумушки» были написаны Шекспиромъ в pendant къ «Генриху V», съ тѣмъ, чтобы этой мѣщанской комедіей еще рѣзче отбѣгнулъ героическую эпопею Генриха V. Какъ ни странна такая настойчивость приписывать Шекспиру правочувствительныя намѣренія, которыхъ у него не было, да и не могло быть, — тѣмъ не менѣе она существуетъ. Гервинусъ ограничился на этотъ разъ простымъ заявлениемъ морализующей казуистики великаго поэта; Франсуа Гюго, съ тою же цѣлью, прибѣгаетъ къ эрудиции и остроумнымъ болѣе, чѣмъ справедливымъ, сопоставлениямъ. Съ такого рода взглядами едва-ли въ настоящее время возможно согласиться. Метафизическій фазисъ критики вообще и шекспировской критики въ особенности безвозвратно прошелъ. Теперь мы не ищемъ въ великомъ англійскомъ поэтѣ философскихъ доктринъ, почему-либо особенно намъ любимыхъ; мы не ищемъ въ немъ ни глубокихъ философскихъ намѣреній, ни правочувствій. Мы не думаемъ, подобно Ульрици, что въ «Венеціанскомъ купцѣ» Шекспиръ имѣлъ цѣлью доказать юридическую истину: *summum iusticia, summa injuria*; съ другой стороны, мы не можемъ согласиться также и съ Гервинусомъ, будто въ этой пьесѣ Шекспиръ задается мыслію изучить отношеніе человѣчества къ богатству. Великаго англійскаго поэта мы разсматриваемъ не какъ философа, юриста или моралиста, а какъ поэта, воспроизводящаго жизнь, а не морализующаго по поводу ея. Онъ встрѣчаетъ героическій характеръ въ исторіи Англіи, — характеръ Генриха V, — и, имѣя въ своихъ современникахъ живые образцы подобныхъ характеровъ, онъ создаетъ ге-

роическую эпопею. Вокругъ себя, въ частной и общественной жизни, онъ видѣлъ на всякомъ шагѣ Фальстафовъ; основныя черты этого типа его чрезвычайно поразили и онъ создаетъ безсмертный типъ, ставя его въ благоприятную для него обстановку. Другихъ цѣлей у художника, а тѣмъ болѣе у такого великаго художника, не могло быть. Вотъ почему и философско-тенденціозныя гипотезы Гервинуса и Франсуа Гюго могутъ быть остроумны, но никогда не будутъ отвѣчать истинѣ. Къ нимъ, впрочемъ, нѣтъ никакой надобности прибѣгать, потому что по отношенію къ «Виндзорскимъ кумушкамъ» существуетъ теорія гораздо болѣе естественная. Я говорю о мнѣніи, первоначально высказанномъ Чальмерсомъ и поддержанномъ Найтомъ, — теоріи, на основаніи которой «Виндзорские кумушки» являются какъ бы вступлениемъ къ первой части «Генриха IV». Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эта гипотеза наиболѣе вѣроятна. Я постараюсь обставить ее нѣкоторыми новыми доказательствами, которыя, надѣюсь, будутъ убѣдительны.

IV.

еобходимо прежде всего замѣтить, что напрасно Гервинусъ съ одной стороны и Франсуа Гюго съ другой, такъ настойчиво распространяются о крайней дряхлости Фальстафа въ «Виндзорскихъ кумушкахъ». Правда, что въ первой части «Генриха IV» Фальстафъ опредѣляетъ приблизительно свой возрастъ, говоря о себѣ въ третьемъ лицѣ: «Лѣтъ ему, я думаю, пятьдесятъ или около шестидесяти». Но эти слова, приводимыя Гервинусомъ и Франсуа Гюго въ подтвержденіе ихъ мнѣній, тѣмъ не менѣе противорѣчатъ какъ взглядамъ одного, такъ и предположеніямъ другого. И въ самомъ дѣлѣ, если справедливо, какъ они утверждаютъ, что виндзорскій эпизодъ происходитъ или непосредственно передъ смертію Генриха IV (Гервинусъ), или же вскорѣ послѣ этой смерти (Франсуа Гюго), то въ Виндзорѣ, во всякомъ случаѣ, Фальстафу не могло быть менѣе семидесяти лѣтъ, такъ какъ слова его, приведенныя выше, сказаны были незадолго (можетъ быть, за нѣсколько дней) до сраженія при Шрюсбери (1403 г.), гдѣ погибъ Перси, а Генрихъ IV умеръ, какъ извѣстно, въ 1413 году. Возможно-ли предположить, что семидесятилѣтній старикъ, ослабленный распутомъ и пьянствомъ, могъ рассчитывать на любовную *bonne fortune*, въ особенности, если прінять во вниманіе, что Фальстафъ, не смотря на распушенность своей натуры, былъ человекомъ замѣчательно умный, въ чемъ ему никто не откажетъ?

Затѣмъ, указываютъ на лѣта судьи Шалло, школьнаго товарища жирнаго рыцаря. Но эти слова точно также ничего не доказываютъ. «Я прожилъ», говоритъ онъ въ «Виндзорскихъ кумушкахъ», — «восьмидесять лѣтъ слишкомъ». Для меня нѣтъ никакого сомнѣнія, что эти слова простая описка, или недосмотръ, встрѣчающіеся такъ часто и въ другихъ болѣе зрѣлыхъ произведеніяхъ Шекспира. Вотъ на чемъ я основываю мое предположеніе: для всякаго очевидно, что во второй части «Генриха IV», Шал-

ло является гораздо болѣе дряхлымъ старикомъ, чѣмъ въ «Виндорскихъ кумушкахъ». Въ хроникѣ онъ впадетъ почти въ дѣтство отъ старости, памкаетъ глупыя слова, заботится о своемъ животѣ, хвастаетъ своимъ фруктовымъ садомъ и, какъ ребенокъ, восхищается Фальстафомъ. Онъ позволяетъ себя надувать самымъ наглымъ образомъ тому же Фальстафу, который, надувая его, надъ нимъ же издѣвается. Фальстафъ хвастаетъ своей дружбой съ наслѣдникомъ престола, общается мировому судѣи цѣлыя горы золота, хотя старику стоило только внимательно взглянуть на жирнаго рыцаря и на его компанію, чтобы убѣдиться въ ихъ наглои лжи; но Шалло ничего этого не видитъ и не разстается окончательно съ своей излюбленной даже тогда, когда Фальстафъ попадаетъ въ немиѣлость. Но сравните поведение того же Шалло въ «Виндорскихъ кумушкахъ». Тамъ онъ, конечно, тоже старикъ, но еще бодрый; онъ любитъ, конечно, поѣсть, но занимается и другими дѣлами. Онъ обнаруживаетъ нѣкоторую энергію въ желаніи преслѣдовать судомъ Фальстафа за убійство оленя; онъ дѣательно хлопочетъ о томъ, чтобы Анна Педжъ вышла замужъ за его двоюроднаго брата Слендера; онъ подшучиваетъ надъ докторомъ Каясомъ и энергично участвуетъ въ фарсѣ, который устраивается виндорскими мѣщанками съ цѣлью насолить Фальстафу. Ко всему этому прибавьте еще одно обстоятельство: въ началѣ комедіи онъ хочетъ преслѣдовать Фальстафа за убійство оленя, но если предположить, какъ этого хотятъ Гервинусъ и Франсуа Гюго, что виндорская исторія происходитъ вскорѣ послѣ второй части «Генриха IV», то, почему Шалло не требуетъ съ Фальстафа тысячи фунтовъ, которые тотъ задолжалъ ему и, разумеется, по неизмѣнной своей привычкѣ, не отдалъ ихъ ему? А между тѣмъ, объ этой тысячѣ фунтовъ въ «Виндорскихъ кумушкахъ» нѣтъ и помину. При гипотезѣ Гервинуса и Франсуа Гюго все это совершенно непонятно, между тѣмъ какъ при моемъ предположеніи, все разрѣшается само собой: какъ только мы предположимъ, что виндорская исторія происходила раньше «Генриха IV», то понятно, что тогда не могло быть и рѣчи о долгѣ Фальстафа, потому что этотъ долгъ сдѣланъ только впоследствии, передъ самою смертью Генриха IV. Во всякомъ случаѣ, возможно-ли предположить, чтобы такую дѣятельную энергію, такую подвижную натуру, какую мы видимъ у Шалло въ «Виндорскихъ кумушкахъ», представлялъ восьмидесятилѣтній старикъ? Вотъ почему, я думаю, что его слова—простой недосмотръ Шекспира. Критики и комментаторы великаго поэта объясняютъ описками и недосмотрами всѣ тѣ мѣста, которыя противорѣчатъ ихъ гипотезамъ, но не представляя на это никакихъ доказательствъ. Я не нахожу возможнымъ такъ безцеремонно относиться къ тексту величайшаго изъ поэтовъ и если въ настоящемъ случаѣ прибѣгаю къ этому аргументу, то только потому, что всѣ внутреннія доказательства свидѣтельствуютъ, что слова Шалло о его лѣтахъ не ладятъ съ его поступками ни въ комедіи, ни въ хроникѣ.

Съ другой стороны, королева Елисавета желала видѣть Фальстафа въ комедіи влюбленнымъ; поэтому, болѣе, чѣмъ понятно, что Шекспиръ, приступая къ «Виндорскимъ кумушкамъ», намѣревался изобразить намъ жирнаго рыцаря болѣе молодымъ, чѣмъ мы видимъ его въ хроникѣ; въ противномъ

случаѣ фарсъ не имѣлъ бы никакого смысла. Весь комизмъ комедіи, естественно, долженъ былъ сосредоточиваться на противорѣчіи, представляемомъ жирнымъ циникомъ, находящимся подъ вліяніемъ чувства любви. Но чтобы это чувство любви было правдоподобно, оказалось необходимымъ сдѣлать Фальстафа нѣсколько менѣе циникомъ, менѣе истрепавшимся по тавернамъ, менѣе открытымъ мерзавцемъ; другими словами, необходимо было снять съ его плечъ нѣсколько лѣтъ житейскаго опыта. Въ этомъ заключалась существеннѣйшая необходимость комедіи, *conditio sine qua non* ея существованія. Такъ и поступилъ Шекспиръ. Въ комедіи Фальстафъ уже не молодецъ, онъ «видалъ виды», по крайней мѣрѣ, зерно будущей веселой шайки существуетъ уже и въ Виндорѣ; но онъ гораздо наивнѣе, гораздо болѣе подчиняется своимъ первымъ влеченіямъ. Въ первой части хроники Фальстафъ, находясь въ меланхолическомъ настроеніи духа, вспоминаетъ прежнее время: «А вѣдь было время, говоритъ онъ,—когда я жилъ, какъ прилично дворянину: клялся мало, игралъ не болѣе семи разъ въ недѣлю, заходилъ въ публичные дома не болѣе одного раза въ часъ; даже случилось два раза заплатить свои долги. Словомъ, велъ себя добропорядочно. А теперь? Лучше и не говорить. Мое безумство не знаетъ предѣловъ!»¹⁾ Конечно, въ этихъ словахъ есть комическій шаржъ, составляющій одно изъ любопытнѣйшихъ чертъ характера Фальстафа, но они весьма примѣнимы въ ихъ общей сложности къ виндорской эпохѣ, если эту эпоху помѣстить раньше хроники. Тогда, будучи моложе, онъ не былъ еще такъ смѣльчакъ, и, изыскивая средства выманывать деньги, тѣмъ не менѣе дѣйствительно платилъ долги и даже давалъ подачки мистрисъ Куинли. Во второй части той же хроники верховный судья говоритъ Фальстафу: «Посмотрите на себя: ваши глаза слезятся, руки иссохли, щеки пожелтѣли, борода побѣлѣла, ноги укорачиваются, животъ растетъ, голосъ вашъ надорванъ, дыханіе коротко, умъ померченъ, старость отяжелѣла надъ вами окончательно, а вы хотите казаться молодымъ. Стыдитесь, сэръ Джонъ, стыдитесь!»²⁾ Фальстафъ не опровергаетъ этого диагноза, точности и вѣрности котораго позавидовалъ бы, несомнѣнно, и самый опытный врачъ нашего времени; но возможно-ли предположить, что черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого диагноза пациентъ вдругъ помолодеетъ и затѣетъ любовныя шашни въ Виндорѣ, вынося безъ всякаго ущерба своему здоровью побой Форда и насильственные холодныя ванны? Очевидно, что виндорская исторія происходила раньше этого періода. «Вотъ двадцать два года, говоритъ онъ о Пойнсе въ хроникѣ,—какъ я даю себѣ слово ежегодно съ нимъ развязаться и все-таки не могу покончить!»³⁾ Эти слова были бы непонятны, еслибы виндорская

¹⁾ По изданію Deaiysa, томъ III, стр. 76: «I was as virtuously given as a gentleman need to be; virtuously enough: swore little; dined not above seven times a week, went to a bawdyhouse not above once in a quarter—of an hour; paid money that I borrowed three or four times; lived well, and in good compass; and now I live out of all order, out of all compass».

²⁾ Idem, стр. 28: «Have you not a moist eye, a dry hand, a yellow cheek, a white beard, a decreasing leg, an increasing belly? Is not your voice broken, your wind short, your chin double, your wit single, and every part about you blasted with antiquity, and will you yet call yourself young? Fie, fie, fie, Sir Iohn!»

³⁾ Idem, стр. 38: «I have forsworn his company hourly any time this two-and-twenty years, and yet I am bewitched with the rogue's company».

исторія происходила значительно позднѣе ихъ; а такъ какъ въ «Виндорскихъ кумушкахъ» Пойнса нѣтъ, то слѣдовательно приходится заключить, что Фальстафъ или разстался съ нимъ, или же не сходилъ еще. Но при слабости къ Пойнсу, послѣднее невозможно допустить. Значитъ, въ Виндорѣ онъ еще не зналъ Пойнса и его встрѣча съ нимъ имѣла мѣсто тогда, когда веселая компанія съ принцемъ во главѣ уже окончательно сформировалась, чего мы не видимъ въ Виндорѣ. Франсуа Гюго считаетъ Фентона старымъ товарищемъ принца уэльскаго и Пойнса, но это, очевидно, недоразумѣніе. Товарищемъ Пойнса и при томъ же старымъ, во всякомъ случаѣ онъ не могъ быть, что впрочемъ и подтверждается словами хозяина въ комедіи: «А какого вы мнѣнія о молодомъ мистрѣ Фентонѣ? Онъ порхаетъ, онъ пляшетъ, онъ смотритъ настоящимъ юношей, онъ пишетъ стихи, онъ говоритъ по праздничному, онъ пахнетъ апрѣлемъ и маемъ...»⁴⁾ На это Педжъ отвѣчаетъ словами, которыя ввелъ въ заблужденіе французскаго критика: «у этого джентельмена нѣтъ ни гроша за душой; онъ водитъ дружбу съ нашимъ безпутнымъ принцемъ и Пойнсомъ; онъ типа слѣпкомъ высокаго полета; онъ уже черезъ чуръ много знаетъ!»⁵⁾ Изъ этихъ словъ еще не слѣдуетъ, чтобы Фентонъ былъ членомъ веселой компаніи, очевидно, еще несуществующей; эти слова несомнѣнно доказываютъ только одно: виндорская исторія происходитъ при жизни Генриха IV,—что окончательно разрушаетъ гипотезу Франсуа Гюго; но происходить-ли она раньше первой части хроники, втеченіи-ли времени, охватывающаго хронику, или передъ самою смертью Генриха IV,—этого слова Педжа не объясняютъ. Но вотъ весьма важное обстоятельство въ пользу моей гипотезы. Фальстафъ говоритъ Форду: «Съ тѣхъ поръ, какъ я щипалъ гусей, бѣгалъ отъ своихъ учителей и погонялъ кнутикомъ кубарь, до вчерашняго дня я не зналъ, что значитъ быть поколоченнымъ!»⁶⁾ — И такъ, по свидѣтельству самого Фальстафа, въ Виндорѣ его въ первый разъ поколотили серьезно; значитъ, виндорская исторія не могла происходить послѣ веселаго жита хроникѣ, потому что это жите не обходилось для Фальстафа безъ побоевъ; она происходила раньше и является, такимъ образомъ, первымъ шагомъ къ блестящей карьерѣ блестящаго рыцаря, полное изображеніе котораго мы имѣемъ въ хроникѣ. Можно было бы умножить подобныя доказательства въ пользу моего мнѣнія, но я думаю, что они будутъ излишни. Совершенно достаточно, какъ мнѣ кажется, и тѣхъ, которыя я сгруппировалъ. Само собой разумеется, эти доказательства, по необходимости не полны, такъ какъ Шекспиръ, вѣроятно, не подозрѣвалъ, что этотъ вопросъ сдѣлается современнымъ камнемъ преткновенія критики. Для своей комедіи онъ выбралъ совершенно самостоятельный эпизодъ изъ жизни жирнаго рыцаря и, какъ кажется, намѣренно избѣгалъ намековъ на прежнюю жизнь своего героя, но эти намеки и сами по себѣ должны были

⁴⁾ Idem, томъ VI, стр. 55: «What say you to young master Fenton? he capers, he dances, he has eyes of youth, he writes verses, he speaks holiday, he smells April and May...»

⁵⁾ Idem, стр. 55: «The gentleman is of no having: he kept company with the wild Prince and Poins; he is of too high a region; he knows too much».

⁶⁾ Idem, стр. 86: «Since I plucked geese, played truant, and whipped top, I knew not what it was to be beaten, till lately».

быть весьма скудны, так как поприще Фальстафа только еще начиналось и могло доставить только весьма ограниченный материал остроумию жирного рыцаря и лиц, окружающих его. Въ этомъ же обстоятельстве кроется причина и сравнительно не полной характеристики Фальстафа въ «Виндзорскихъ кумушкахъ». Если бы эта комедія написана была Шекспиромъ прежде двухъ частей «Генриха IV»; если бы тогда образъ жирного рыцаря только возникалъ въ творческомъ воображеніи поэта,—то, разумеется, и въ комедіи онъ далъ бы намъ такую же полную и гениальную характеристику, какую далъ въ «Генрихъ IV»; но къ «Виндзорскимъ кумушкамъ» онъ приступилъ только тогда, когда фигура Фальстафа, благодаря «Генриху IV», уже была популярна; она приобрѣла извѣстныя, опредѣленныя и установившіяся черты; ничего новаго къ этимъ чертамъ нельзя было прибавить даже Шекспиру. Ему оставалось только взять ихъ готовыми и приновить ихъ къ новой обстановкѣ, ослабивъ одиѣ и усиливъ другія и, желая нѣсколько обновить свой типъ, онъ сдѣлалъ Фальстафа нѣсколько моложе и это единственное обстоятельство объясняетъ всю разницу между Фальстафомъ «Виндзорскихъ кумушекъ» и Фальстафомъ «Генриха IV».

V.

мы знаемъ такимъ образомъ почти несомнѣнно, во первыхъ, что «Виндзорскія кумушки» были написаны Шекспиромъ между 1598 и 1601 годомъ, значитъ, эта комедія слѣдовала непосредственно послѣ созданія двухъ частей «Генриха IV» и предшествовала, вѣроятно, «Двѣнадцатой ночи». Во вторыхъ, мы знаемъ, что «Виндзорскія кумушки» есть частный эпизодъ изъ жизни Фальстафа, эпизодъ, предшествующій его веселому житію, изображенному въ двухъ частяхъ «Генриха IV».

Благодаря этимъ двумъ результатамъ, мы можемъ приступить теперь къ литературному анализу комедіи. Первымъ вопросомъ, разумеется, является вопросъ о непосредственныхъ источникахъ, изъ которыхъ Шекспиръ заимствовалъ сюжетъ своей комедіи. Галиуэлъ насчитываетъ шесть такихъ источниковъ: 1) Рассказъ изъ «Le tredici piacevoli notti del S. Sid. Francesco Straparola»; 2) Рассказъ изъ «Il Pecorne di Sen. Giovanni Fiorentini»; 3) Рассказъ изъ довольно рѣдкаго собранія старыхъ англійскихъ новелъ, подъ заглавіемъ: «Счастливые обманутые и несчастные любовники»; 4) Другой рассказъ изъ «Le tredici piacevoli notti»; 5) Рассказъ изъ «Вѣсти изъ Чистилища» соч. Тарльтона; 6) Рассказъ изъ рѣдкаго изданія подъ заглавіемъ: «Westward for Smelts», который, по мнѣнію Мэсона, побудилъ Шекспира сдѣлать Виндзоръ мѣстомъ дѣйствія любовныхъ приключеній Фальстафа.

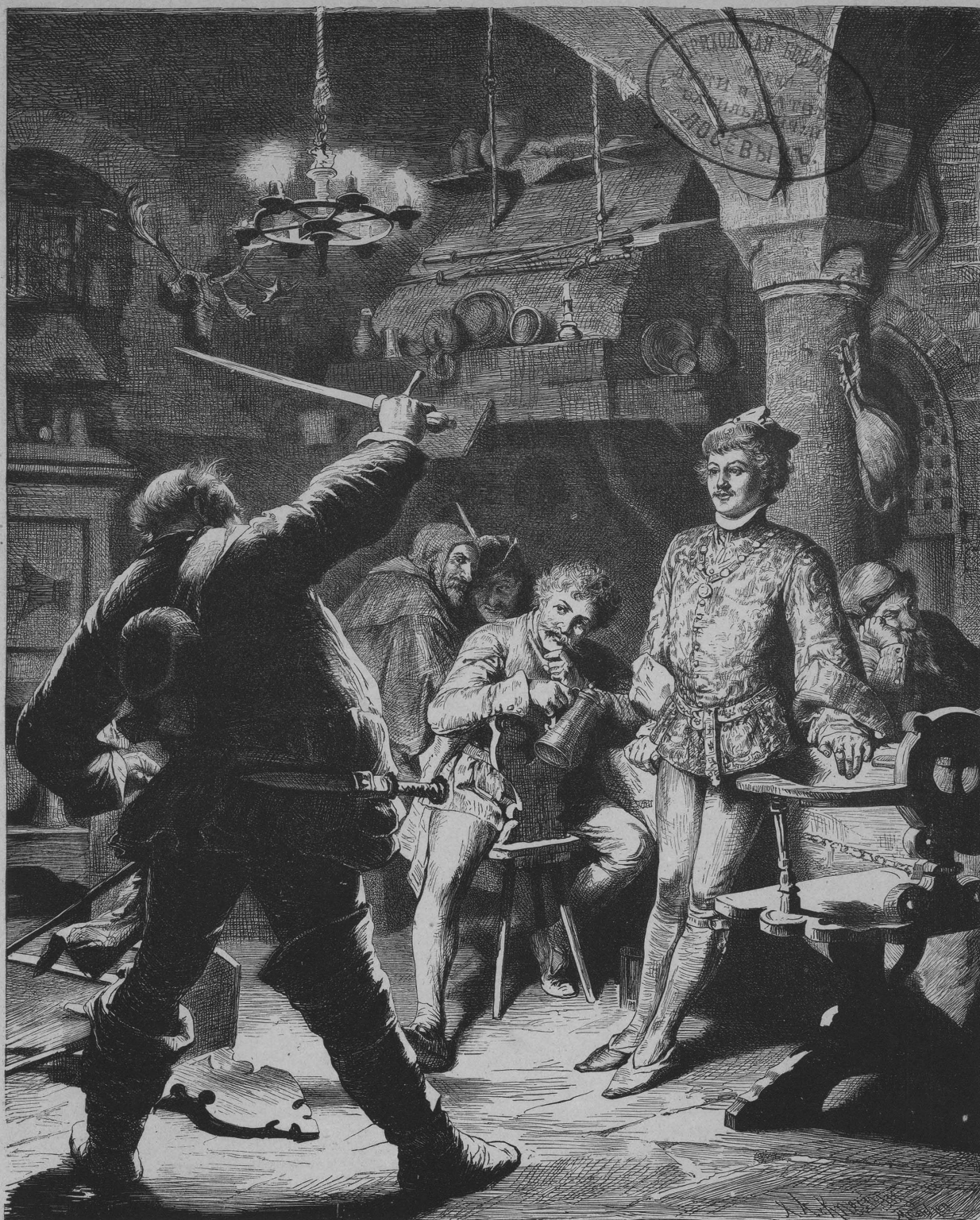
Комическіе элементы ситуаціи Шекспиръ заимствовалъ по большей части изъ этихъ рассказовъ. Еще въ XIV столѣтіи, Fiorentini рассказавъ въ «Il Pecorne (giornata 1, novella 2)» приключеніе одного болонскаго студента, который, влюбившись въ жену сво-

его профессора (не зная, кто она), повѣряетъ мужу свои любовныя проекты, проситъ у него совѣтовъ и даже рассказываетъ, когда она назначила ему свиданіе. Мужъ, зная все впередъ, постоянно является невзначай и мѣшаетъ ихъ уединенію; но не смотря на всѣ предосторожности, предпринимаемыя имъ, студентъ ускользаетъ отъ него: разъ, прятаясь подъ цѣлой кучей только что выстираннаго, сырого бѣлья, въ другой разъ проскользнувъ въ темнотѣ, въ ту самую минуту, когда служанка отпирала двери ревнивому мужу. Всѣ эти неудачи приводятъ мужа въ бѣшенство; являются родственники жены, убѣждаютъ, что онъ съума сошелъ, вяжутъ его и кладутъ его на тюфякъ передъ огнемъ. Студентъ является съ визитомъ къ своему профессору и, замѣтивъ на этотъ разъ, кого именно онъ надувалъ, скрывается въ Римъ. Также исторія находится и въ сборникѣ новелъ Страпаролы, съ тою только разницей, что подробности бѣгства нѣсколько измѣнены и исторія кончается болѣе трагически. Любовникъ ускользаетъ отъ обманутаго мужа, прятаясь въ брачную постель, занавѣсы которой были спущены, потомъ скрывается въ чеподанъ, покрытый бѣльемъ и, наконецъ, помѣщаясь въ сундукъ съ важными семейными бумагами, сундукъ, который по приказанію жены уносятъ изъ дома, охваченнаго пожаромъ. Послѣ этого любовники бѣгутъ въ Португалію, а мужъ умираетъ съ отчаянія. Въ 1590 году, итальянская новела перешла въ Англію въ изданіи Тарльтона «Вѣсти изъ Чистилища». Англійскій рассказчикъ перефразируетъ новелу Страпаролы, но еще замысловатѣе украшаетъ ее, напримѣръ, въ рассказѣ о хитромъ средствѣ, которое женщина употребляетъ, чтобъ спасти любовника отъ огня и въ развязкѣ. Тарльтонъ, однакожъ, видимо изыскиваетъ смягчающія обстоятельства по отношенію къ женѣ, рассказывая, что она была выдана замужъ въ очень молодыхъ годахъ и насильно за доктора сорока двухъ лѣтъ. Новела Fiorentini также встрѣчается въ англійской повѣствовательной литературѣ въ одномъ сборникѣ, который вышелъ подъ заглавіемъ: «The fortunate, the deceived and unfortunate Lovers»; въ англійской передѣлкѣ всѣ главныя подробности передаются безъ всякаго измѣненія по «Ресорне» Fiorentini. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Шекспиръ заимствовалъ содержаніе комедіи изъ рассказа Тарльтона. Онъ воспользовался интригой, хотя и тутъ кое что измѣнилъ въ ней; такъ, напр., онъ устранилъ обманъ жены и смерть мужа. Нѣкоторые критики видятъ въ этомъ обстоятельствѣ правоучительныя цѣли поэта, хотя его измѣненіе можно гораздо проще и естественнѣе объяснить тѣмъ обстоятельствомъ, что, принимая всѣ подробности первоначальнаго рассказа, Шекспиръ лишилъ себя многихъ комическихъ сторонъ своего сюжета. Необходимо замѣтить къ тому, что въ новелѣ Страпаролы встрѣчается еще другой комическій элементъ: когда во время праздничныхъ плясокъ любовникъ объясняется въ любви тремъ женщинамъ разомъ,—онѣ, сообщивъ обо всемъ другъ другу, рѣшаются наказать его, и, подъ тѣмъ предлогомъ, что его нужно спасти отъ пришедшаго мужа, одна за другой ставятъ его въ самое ужасное положеніе, которое пугаетъ его и причиняетъ ему физическія мученія. Это комическое положеніе вошло какъ основной элементъ содержанія комедіи Шекспира; этотъ элементъ былъ обставленъ комической шуткой новелы Fiorentini и

украшенъ мотивами сатирическаго характера, такъ какъ въ комедіи Шекспира безпричинная ревность мужа наказывается шуточными продѣлками честныхъ женъ. Вотъ все, что было заимствовано Шекспиромъ. Вся та часть комедіи, гдѣ участвуютъ Анна Пэдджъ, Фентонъ, докторъ Каюсъ, Слендеръ, Шалло, Пэдджъ, хозяинъ «Подвязки»,—была прибавлена Шекспиромъ къ заимствованному сюжету, но такъ, что составила вмѣстѣ съ нимъ одно гармоническое цѣлое. «Нужно твердо помнить, говоритъ Рудольфъ Жене, —что не вслѣдствіе чтенія того или другого рассказа у поэта явилась мысль написать комедію, но что онъ для назначеннаго уже ему главнаго лица искалъ дѣйствія, которыми могъ бы воспользоваться, и поэтому нужно въ этомъ случаѣ удивляться его необыкновенному искусству».

Въ этомъ отношеніи чрезвычайно интересно сопоставить рядомъ Мольера и Шекспира. Оба гения не разъ встрѣчались или въ выборѣ сюжетовъ, или же въ выборѣ характеровъ (укажу, между прочимъ, на характеръ Мизантропа: у Мольера «Le Misanthrope», у Шекспира: «Timon of Athens»). Какъ Мольеръ, такъ и Шекспиръ, руководствовались одною и тою же аксіомой при выборѣ сюжетовъ: je prends mon bien partout où je le trouve. Встрѣча была и на этотъ разъ; Шекспиръ для своихъ «Виндзорскихъ кумушекъ» воспользовался рассказомъ итальянскаго происхожденія, который точно также послужилъ и Мольеру канвой для его «Ecole des femmes». Комическое положеніе, какъ тутъ, такъ и тамъ, приблизительно одинаково; Мольеръ сходится съ Шекспиромъ даже въ измѣненіяхъ итальянской новелы; оба, напр., устраняютъ трагическую развязку; оба устраняютъ преступность жены, но каждый устраняетъ по своему. Мольеръ достигаетъ этого, радикально измѣняя отношенія обманутаго къ обманщицѣ: Арнольдъ—не мужъ Агнессы, но вздыхатель и это обстоятельство позволяетъ молодой дѣвушкѣ отдаться Орасу безъ преступленія и даже безъ обмана. Тѣмъ не менѣе, это разрѣшеніе щекотливаго вопроса не вполне удовлетворительно: удивленіе старика, страстно влюбленнаго, и его окончательное отчаяніе, производятъ тяжелое впечатлѣніе, которое не искупается комизмомъ подробностей, въ немъ даже замѣтна трагическая нота. Мольеръ къ тому же и въ развитіи подробностей не такъ счастливъ, какъ Шекспиръ. Фордъ у Шекспира подъ вымышленнымъ именемъ дѣлается довѣреннымъ лицомъ Фальстафа; точно также и Арнольдъ въ мольеровской комедіи является довѣреннымъ лицомъ Ораса; но всѣ комическія перипетіи этого положенія совершаются на сценѣ у Шекспира, между тѣмъ, какъ онѣ только рассказаны у Мольера. Само-собою разумѣется, что въ рассказѣ терпится по крайней мѣрѣ, половина комизма; является простая, довольно холодная передача фактовъ, въ то время, какъ у Шекспира мы видимъ дѣйствіе. Вотъ, напр., одинъ изъ такихъ рассказовъ:

Mais à peine tous deux dans la chambre étions nous
Qu'elle a sur les degrés entendu son jaloux;
Et tout ce qu'elle a pu dans un tel accessoire,
C'est de me renfermer dans une grande armoire.
Il est entré d'abord, je ne le voyais pas;
Mais je l'oyais marcher, sans rien dire, à grands pas,
Poussant de temps en temps des soupirs pitoyables

РАЗСКАЗЪ ФАЛЬСТАФА О ПОВОИЩѢ.

Съ фотографіи «Фотографическаго Общества» въ Берлинѣ.

Et donnant quelquefois des grands coups sur les tables,
Frappant le petit chien qui pour lui s'émouvait,
Et jetant brusquement les hardes qu'il trouvait...¹⁾

Рассказ замѣчательнъ по формѣ и по языку, но не производить того комическаго впечатлѣнія, которое производитъ соответствующая сцена въ комедіи Шекспира. То, что, рассказывая, Мольеръ скрываетъ отъ нашихъ взоровъ, — Шекспиръ, напротивъ, показываетъ намъ; мы присутствуемъ при комической сценѣ, только рассказанной Мольеромъ; у Шекспира при обыскахъ ревнираго мужа, мы видимъ, какъ мужъ въ бѣшенствѣ швыряетъ грязнымъ бѣльемъ. Такими образомъ, самая смѣшная перипетія, почти совершенно незамѣчаемая въ пьесѣ Мольера, составляютъ самую комическую сцену у Шекспира. Мольеръ избѣгаетъ фарса, въ то время, какъ Шекспиръ вездѣ его ищетъ; Мольеръ умѣряетъ комическій элементъ, Шекспиръ вездѣ его утрируетъ. Палка, отъ которой за кулисами страдаетъ Орастъ, весьма осязательно гуляетъ по спинѣ Фальстафа, переодѣтаго въ старую бабу. Рога, которые для Арнольфа являются только невидимымъ пугаломъ, слышимы для насъ у Шекспира и въ рѣшительную минуту, при освѣщеніи тысячами огней въ виндзорскомъ паркѣ, украшаютъ своимъ чудовищнымъ развѣтвленіемъ лобъ осмѣяннаго Фальстафа. Къ тому же и самый предметъ сатиры различенъ въ обоихъ комедіяхъ. Мольеръ издѣвается надъ старикомъ (почти мужемъ), который готовилъ себѣ въ жены невинную молодую дѣвушку; онъ высмѣиваетъ невѣжество, глупость, пошлость и, въ концѣ концовъ, преподноситъ зрителю мораль въ видѣ афоризма, что если выгонимъ природу въ дверь, то она влѣзетъ въ окно и что женщина перекитритъ самаго хитраго и опытнаго мужчину (отсюда и заглавіе пьесы: школа женщины). Въ комедіи же Шекспира только педанты-моралисты могутъ видѣть правоучительныя цѣли: у него это — этюдъ въ формѣ фарса; этюдъ, во-первыхъ, комическаго сердца, необыкновенно глубокой, во вторыхъ, этюдъ реальныхъ типовъ, правда, съ примѣсью сатиры, но безъ малѣйшаго намѣренія приходить къ какимъ бы то ни было поучительнымъ выводамъ. У Мольера — сатира надъ глупостью человѣческой, у Шекспира — изученіе натуры въ нѣкоторыхъ комическихъ ея проявленіяхъ.

Этотъ примѣръ указываетъ на существенную разницу комическаго генія двухъ великихъ европейскихъ народовъ. Для француза сущность комедіи заключается въ преимуществу въ тонкой, умѣренной сатирѣ, въ смѣшной и вредной сторонѣ нравовъ, изрѣдка — въ психологическомъ этюдѣ съ цѣлью практической, и комедія при этихъ условіяхъ гораздо болѣе является произведеніемъ разсудка, чѣмъ воображенія, въ ней гораздо болѣе наблюдательности, чѣмъ фантазіи. Англичане совершенно иначе понимаютъ комедію; для нихъ, по большей части, комедія есть плодъ блестящей фантазіи, нѣчто въ родѣ фейерверка, ослѣпляющаго блескомъ и поэзіей, капризныхъ выходокъ воображенія

и остроты. Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ коренномъ различіи комическаго генія двухъ націй, стоитъ только обратить вниманіе на комедію въ ея двухъ величайшихъ представителяхъ: у Мольера и у Шекспира. Въ настоящее время взаимное вліяніе литературы и жизни во многомъ сгладило эти различія, но сущность все-таки осталась та же. Во всѣхъ произведеніяхъ Мольера, начиная съ «Etourdi» и оканчивая «Le Malade imaginaire», этотъ французскій характеръ комическаго элемента рѣзко замѣненъ. Въ комедіяхъ же Шекспира, напротивъ, преобладаетъ англійскій характеръ фантазіи, юмора, блестящей поэзіи, иногда скептическаго отношенія къ людямъ и человѣчеству. Одинъ только Фальстафъ, наполняющій собою комическую часть «Генриха IV» (и клоуны въ комедіяхъ) выдѣляются изъ этого опредѣленія, потому что представляютъ элементъ народнаго англійскаго фарса. Французы и теперь не могутъ понять, почему Фальстафъ такъ популяренъ въ Англіи; что комичнаго въ этомъ жирномъ рыцарѣ, который грабитъ прохожихъ и изъ трусости самъ подвергается ограбленію, плутуетъ, набираетъ въ солдаты хилыхъ оборванцевъ и освобождаетъ отъ службы здоровыхъ наредъ, которые платятъ ему; прикидывается убитымъ, когда непріятель нападаетъ на него въ сраженіи; надуваетъ свою хозяйку, общая на ней жениться, но въ то же время не платитъ ей своего долга и который, въ концѣ концовъ, представляетъ странную и чудовищную смѣсь трусости, пьянства, обжорства, цинизма съ неистощаемымъ остроуміемъ.

Но этотъ грубый фарсъ при всей своей грубости и цинизмѣ представляетъ чрезвычайно рельефно самую прозаическую и эгоистическую сторону натуры человѣческой и даетъ возможность подойти къ реалистической комедіи, какъ мы понимаемъ ее въ настоящее время. Этотъ Фальстафъ, который, казалось бы, только смѣшитъ насъ своими грубыми выходками, въ «Виндзорскихъ кумушкахъ» является центромъ самой мѣщанской, но въ то же время и самой реалистической комедіи. «Виндзорскія кумушки» стоятъ совершенно особю въ ряду другихъ комедій Шекспира. Тамъ преобладаетъ фантазія и поэзія, высокое чувство природы, грустный, а по временамъ саркастическій взглядъ на жизнь, фантазмагорія чувства и фантастическій элементъ поэтическаго воображенія; здѣсь же, наоборотъ, преобладающимъ элементомъ становится непосредственное наблюденіе мѣщанской жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ, за исключеніемъ развязки, гдѣ является снова лирическая фантазія. Эта комедія, подобно полному микрокозму, сосредоточиваетъ въ себѣ все англійское общество среднихъ вѣковъ; всѣ существенныя функціи городской и общественной жизни XVI столѣтія сгруппированы здѣсь съ поразительнымъ искусствомъ. Этого обстоятельства, по странной случайности, почти не замѣтила критика или, по крайней мѣрѣ, слишкомъ мало обратила на него вниманія.

Наиболѣе существеннымъ и нужнымъ элементомъ средневѣковаго города является хозяинъ таверны, — соединительное звено всѣхъ слоевъ общества, другъ всѣхъ и каждого; полный, съ краснымъ, жирнымъ лицомъ, онъ всегда на порогѣ своей таверны; онъ знаетъ всѣхъ и все; всѣ уважаютъ его, потому что онъ находится въ сношеніяхъ съ великими міра сего. Купецъ прибѣгаетъ къ нему, какъ къ посреднику торговыхъ сдѣлокъ; молодой вельможа даетъ ему ще-

котливый порученіе. Онъ непремѣнно весельчакъ, постоянно остритъ и заставляетъ смѣяться. Онъ кромѣ того примиритель по существу, разумѣется, въ интересахъ своей гостиницы. Въ «Виндзорскихъ кумушкахъ» онъ вышвырывается въ споръ Кайюса съ Эвансомъ, которые хотятъ драться на дуэли, и, не будучи въ состояніи примирить ихъ, онъ плутуетъ, назначая каждому особое мѣсто для свиданія, и въ концѣ концовъ все-таки примиряетъ ихъ. Это типъ, исчезнувшій въ наше время, но превосходно представляющій одну изъ любопытныхъ сторонъ англійской жизни. Рядомъ съ хозяиномъ таверны мы видимъ доктора (Кайюсъ), съ французскимъ произношеніемъ, педанта съ претензіями, хвастающагося своими сношеніями со дворянствомъ, повѣреннаго всѣхъ семейныхъ тайнъ; онъ столько же знаетъ о Гиппократѣ и Галенѣ, сколько знаетъ горшокъ; а въ добавокъ къ этому еще плутъ и трусъ, какого только вы можете встрѣтить на свѣтѣ. За нямъ мы примѣчаемъ пастора (Эванса), съ валлійскимъ произношеніемъ, еще болѣе комичнымъ, чѣмъ произношеніе Кайюса, представителя церкви, духовнаго наставника и въ этомъ качествѣ соперника доктора, съ открытой-доброудушной физиономіей, весельчака, готоваго при случаѣ смѣть веселую пѣсенку по подрасти на дуэли. Еще степенью выше въ общественной іерархіи мы видимъ судью, знаменитаго Палло, знакомаго намъ и по «Генриху IV», — хвастуна и болтуна, напускающаго на себя важность; это — представитель средневѣковаго закона, защитникъ порядка и общественной нравственности. Онъ, — лучшее украшеніе мѣщанства, представителями котораго въ нашей комедіи являются также Пэдждъ и Фордъ, личности вульгарныя, съ руками, привычными къ труду, фермеры-собственники и горожане, представители средневѣковой буржуазіи. Но въ городѣ немаловажную роль играетъ также и эсквайръ, — въ нашей комедіи Слендеръ, — эсквайръ, конечно, провинціальныи, нѣчто среднее между мѣщаниномъ и дворяниномъ, съ дурацкой физиономіей, жалующійся, что у него только три лакея и одинъ пажъ, провинціальныи фантъ, любитель собакъ чѣмъ и медвѣдей. Эта коллекція была бы не полна, еслибы во главѣ не имѣла Фальстафа, представляющаго собой элементъ рыцарства; это — средневѣковой типъ старой расы завоевателей, послѣднее, дряхлое воплощеніе первобытной аристократіи...

Мы уже сказали, что «Виндзорскія кумушки», послѣднимъ набросаннымъ около 1600 года, приняла свой окончательный видъ только впоследствии... Эта передѣлка въ особенности тѣмъ интересна, что обнаруживаетъ процессъ шекспировскаго творчества.

Первоначальный эскизъ комедіи страдаетъ слишкомъ безпорядочнымъ накопленіемъ эпизодовъ; они слѣдуютъ другъ за другомъ безъ перерыва и несчастный сэръ Джонъ Фальстафъ не имѣетъ времени опомниться; едва-лишь онъ выскочилъ изъ корзины съ грязнымъ бѣльемъ, какъ ему приходится переодѣваться въ старуху и получать побой; не успѣвъ онъ опомниться отъ палки Форда, какъ его ведутъ въ паркъ, гдѣ онъ получаетъ окончательное возмездіе за свои подвиги. Въ окончательной обработкѣ ходъ дѣйствія измѣненъ. Послѣ эпизода съ корзиной — сцена съ Анной Пэдждъ; затѣмъ совѣщаніе Фальстафа, Куинки и Форда; послѣ совѣщанія съ цѣлью избѣжать слишкомъ быстрого перехода отъ совѣщанія къ слѣ-

¹⁾ Какъ только мы остались вдвоемъ въ комнатѣ, — она услышала шаги своего ревниваго; она только и могла сдѣлать въ этомъ случаѣ — запретить меня въ большой шкапъ. Онъ вошелъ, а его не видѣвъ, но я слышала, какъ онъ молча ходилъ большими шагами, испуская отъ времени до времени жалобные вздохи, шихая порою ногой столъ, нанося удары собаченкѣ, встревоженной его приходомъ, и бросая попадавшіяся ему подъ руку пожитки.

дующей мистификации,—является вводный эпизод, прибавленный к первоначальному сценарию, прелестный эпизод, где мистрис Паджж ведет своего мальчика в школу и заставляет сра Гуа Эванса экзаменоваться сго. Тѣже предосторожности употреблены были Шекспиромъ и для окончательнаго фарса въ Виндзорскомъ паркѣ. Въ первоначальномъ эскизѣ фарсъ побоевъ отдѣленъ отъ фарса въ паркѣ только четырьмя сценами; теперь комедія имѣетъ семь сценъ. Къ первоначальному сценарию Шекспиръ прибавилъ три сцены съ цѣлю подготовить окончательную мистификацію: третій визитъ Форда къ Фальстафу и двѣ сцены, показывающія намъ, какъ обѣ группы заговорщиковъ, болтая и сплетничая, направляются къ парку. Такимъ образомъ, подготовленная и объясненная, наступаетъ заключительная сцена въ необходимой фантастической торжественности. Даже эта послѣдняя сцена была значительно измѣнена. Въ сценаріи стихи, пѣтые предполагаемыми зльями вокруг геряского дуба, имѣютъ по преимуществу сатирическій оттѣнокъ и, вѣроятно, намекаютъ на личности и особенности времени; зльфы уговариваютъ другъ друга щипать служанокъ, отправляющихся спать, не вымывъ посуды, нещадно мѣшать сну прокуроровъ и сыщиковъ «съ лисьими глазами». Шекспиръ вычеркнулъ эту послѣднюю насмѣшку, нѣсколько банальную, и замѣнилъ ее знаменитой одой, внушенной ему величьемъ Виндзорскаго замка:

About, about!

Search Windsor castle, elves, within and out...

Волненіе поэта внезапно обнаруживается и въ лирическомъ порывѣ онъ призываетъ королей чить это «прошлое величье, среди котораго они гостятъ, высказывая въ тоже время желаніе, чтобы они всегда были достойны его. Потомъ, обращаясь къ аристократіи, которой гербы хранятся въ капелѣ св. Георга, онъ въ намекахъ желаетъ, чтобы эти знаки земного величія были въ тоже время знаками и нравственнаго величія. По мнѣнію большинства комментаторовъ, эти стихи были написаны по случаю событія, которое должно было живѣйшимъ образомъ заинтересовать Шекспира. Въ іюлѣ 1604 года графъ Струтсмптонъ, которому Шекспиръ еще гораздо раньше посвящалъ свои сонеты, былъ освобожденъ отъ тяжкаго заключенія смертью Елисаветы (1603) и сдѣланъ кавалеромъ ордена Подвязки. «Виндзорскія кумушки» были снова представлены при дворѣ въ 1604 году и очень вѣроятно, что по этому случаю Шекспиръ вставилъ эти стихи, какъ радостный привѣтъ тому, кого онъ называетъ въ своихъ сонетахъ: «Lord of my love» Вѣроятно также, что къ этому времени относится и окончательная обработка всей комедіи.

Эта переработка замѣтна, впрочемъ, не столько въ цѣломъ, сколько въ деталяхъ. Каждое измѣненіе или добавленіе составляетъ новую, индивидуальную черту, объясняющую характеръ или типъ. Такъ, напр., характерное выраженіе (не существующее въ сценаріо) прибавляетъ новую, любопытную черту къ характеру саниментальной Анны: «Какі! Выйти замужъ за доктора Кайюса? Ужъ лучше пусть меня живой зарюютъ, или до смерти закидаютъ рѣпой!» Въ другомъ мѣстѣ поэтическая фраза объясняетъ предпочтеніе Анны къ Фентону: «онъ порхаетъ, пляшетъ, смотритъ настоящимъ юношей, пишетъ стихи, говоритъ по

праздничному, пахнетъ апрѣлемъ и маемъ!» Не менѣе яркое освѣщеніе получаетъ и Слендеръ, соперникъ Фентона: «у него крохотное лицо съ маленькой желтой бородкой, на подобіе бороды Кайя; онъ смиренный, но по временамъ ловко работаетъ кулакомъ; онъ держитъ голову вверхъ и ходитъ фертомъ». Въ первоначальномъ эскизѣ Слендеръ сохраняетъ еще нѣкоторую нравственную пинцетную: онъ самъ вознамѣрился жениться на Аннѣ; у него сохранилось еще настолько ума, что онъ самъ говорить ей объ этомъ, выбирать удобную минуту. Въ окончательной обработкѣ, Слендеръ — полудидотъ; его бракъ съ Анной придуманъ Эвансомъ, этотъ проектъ, поддержанный Шалло, принятый Паджжемъ, тѣмъ не менѣе не ладится; не смотря на всѣ ихъ усилія, они не могутъ объяснить Слендеру его роль; онъ никакъ не можетъ объясняться въ любви молодой дѣвушкѣ. Эта фигура самодовольнаго и глупаго провинциала,—самая оригинальная въ комедіи, по мнѣнію Гедлита,—почти совершенно не существуетъ въ сценаріо, или существуетъ только въ зачаткѣ. Если Фордъ ревнуетъ свою жену, то потому, что его жена «многа болтаетъ и дѣлаетъ глазки»,—объясняетъ Шекспиръ. Если Паджж спокоевъ насчетъ своей жены, то потому, что мистрисъ Паджжъ рѣшительно управляетъ мужемъ: «она дѣлаетъ и говоритъ все, что хочетъ, получаетъ все, платитъ за все, ложится и встаетъ, когда ей вздумается; все дѣлается по ея желанію и она этого достойна: она самая милая женщина въ Виндзорѣ». Мистрисъ Паджжъ—вполнѣ почтенная женщина, но не жеманна; это одна изъ тѣхъ женщинъ, которыя не напаяиваютъ на свою честность цедантскі-строгихъ формъ,—особенность характера, въ достаточной мѣрѣ объясненная извѣстнымъ восклицаніемъ во вкусѣ Рабза, которое было прибавлено Шекспиромъ къ окончательному эскизу.

VI.

амъ остается изучить Фальстафа, являющагося не только центромъ пнтриги «Виндзорскихъ кумушекъ», но и дѣйствительнымъ, несомненнымъ героемъ комедіи. Фальстафъ, какъ извѣстно, одинъ изъ любимцевъ Шекспира, гораздо, конечно, въ большей степени, чѣмъ, напр., король Генрихъ V, герой Азинкура, котораго нѣкоторые критики считаютъ портретомъ самого Шекспира. Къ своему любимцу, жирному рыцарю, Шекспиръ возвращается нѣсколько разъ; кромѣ «Виндзорскихъ кумушекъ» онъ играетъ видную роль въ обѣихъ частяхъ «Генриха IV»; извѣстно также, что Шекспиръ намѣревался вывести его и въ хроникѣ «Генриха V», но впоследствии оставилъ свое намѣреніе, рассказавъ только въ этой послѣдней хроникѣ устами Кункли смерть сэра Джона. Такимъ образомъ, мы имѣемъ почти полную біографію жирнаго рыцаря, тѣмъ болѣе драгоценную, что она испещрена неисчерпаемымъ количествомъ характерныхъ чертъ, дѣлающихъ эту колоссальную фигуру чудомъ искусства и дающихъ намъ такую полную характеристику, какая не существуетъ ни въ одной изъ литературъ.

Сэръ Джонъ Фальстафъ приобрѣлъ такую всемірную извѣстность, благодаря Шекспи-

ру и своимъ личнымъ подвигамъ на поприщѣ соціальной жизни, любовныхъ похаживаній и военнаго искусства, что мы по необходимости принуждены обратиться на него особенное вниманіе и дать читателямъ возможно полную его біографію, тѣмъ болѣе, что Фальстафъ приобрѣлъ не только историческую извѣстность, которой позавидовалъ бы ни одинъ монархъ древняго и новаго міра, но онъ кромѣ того,—сдѣлавъ выраженію Франсуа Гюго,—одинъ изъ свѣтилъ человѣчества, свѣтилъ, конечно, своеобразныхъ. Комментаторы, историки и критики не мало трудились надъ тѣмъ, чтобы опредѣлить съ точностью генеалогію и происхожденіе столь великаго чловѣка. Я передамъ вкратцѣ результаты этихъ изысканій, прибавивъ отъ себя одно только замѣчаніе: происхожденіе Фальстафа, какъ и вообще происхожденіе всѣхъ несомнѣнно великихъ людей, имѣетъ въ себѣ нѣчто странное и почти сверхъестественное. Римляне, какъ извѣстно, ведутъ свое начало отъ троянца Энея, скитавшагося долгое время по свѣту послѣ взятія Трои. Знаменитая Елена, бывшая невольною, такъ сказать, причиною троянской войны, была плодомъ любви Юпитера, превращеннаго въ лебедя, и Леды, жены Тиндара, спартанскаго короля. Нѣчто подобное приходится сказать и о происхожденіи сэра Джона Фальстафа. Если боги и не играли особенно замѣтной роли въ его генеалогіи, то нѣчто сверхъестественное во всякомъ случаѣ присуще ей. Дѣло въ томъ, что сэръ Джонъ Фальстафъ происходитъ по прямой линіи отъ нѣкоего лорда Кобгэма, погибшаго на кострѣ за свою приверженность ереси Вилкелефа. Какимъ образомъ могло случиться, что колоссальный сэръ Джонъ Фальстафъ,—эта веселая бочка съ хересомъ, полнѣйшее олицетвореніе разгула, трусъ и острякъ, забывшій, по собственному сознанию, что находится въ церкви,—происходитъ отъ одного изъ первыхъ и благороднѣйшихъ пуританъ, погибшаго на кострѣ за свои религіозныя убѣжденія? Постараюсь отвѣтить на этотъ вопросъ возможно ясно.

Дѣло происходило слѣдующимъ образомъ: въ январѣ 1418 года на одной изъ площадей близъ Лондона громадная толпа народа окружала зажженный костеръ, къ которому были привязаны чловѣкъ лѣтъ шестидесяти съ просьбдою; у него было почтенное, внушающее уваженіе лицо. Цѣлая толпа паторовъ и монаховъ окружала костеръ и недопускала тѣснившуюся къ нему толпу. Осужденный не кричалъ, не проклиналъ, онъ просто молился. Нѣкогда онъ былъ однимъ изъ великихъ міра сего. Рыцарь по происхожденію, баронъ вслѣдствіе брака, отличившійся въ войнѣ съ Франціей, сэръ Джонъ Ольдкэстль, баронъ Кобгэмъ, принадлежалъ ко двору Генриха IV и былъ въ дружескихъ сношеніяхъ съ принцемъ Уэльскимъ, впоследствии королемъ Генрихомъ V. Расчитывая на свои связи и вліяніе, лордъ Кобгэмъ присталъ къ религіозной реформѣ Лоллара и Вилкелефа. Онъ самолично переписывалъ и раздавалъ англійскую біблію, отрицалъ главенство папы и обличалъ злоупотребленія католическаго духовенства. За всѣ эти преступленія синаодъ епископовъ присудилъ его къ казни еретиковъ въ 1415 году. Принцъ Уэльскій, тогда уже король Генрихъ V, умолялъ его отречься отъ его религіозныхъ заблужденій, но сэръ Джонъ Ольдкэстль остался имъ вѣренъ. Онъ былъ заключенъ въ Тоуэръ, но благодаря таинственной помощи